

EX LIBRIS

© 1999

Букалов А. В., Карпенко О. Б.

КОММЕНТАРИИ К РАБОТЕ К. ЯРОША
«ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ. ИОАНН ГРОЗНЫЙ И ПЕТР ВЕЛИКИЙ»

Проф. К. Ярошъ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ И ПЕТРЪ ВЕЛИКИЙ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., № 19.
1898.

Ярош К.
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ.
ИОАНН ГРОЗНЫЙ И ПЕТР ВЕЛИКИЙ

(Продолжение. Начало в №№ 1–2, 1999)

IV

Переступив столетие, мы снова встречаемся в Москве с кровавыми сценами пытки и казни. Молодой царь Петр Первый, возвратившись из заграничного путешествия, производил расправу над мятежными стрельцами и их единомышленниками. По описанию очевидцев, жертвы этой расправы были жестоко избиваемы кнутами, затем их жарили на огне, потом снова начинали сечь, после чего опять тащили к огню. Царь сам составлял вопросы, сам допрашивал, вымогая сознание. Для этой цели в Преображенском ежедневно пылало более 30 костров. Здесь колесованные смотрели с завистью на скорую смерть обезглавленных. Энергичность расправы можно видеть наглядно на судьбе подполковника Колпакова: после долгого ряда истязаний он лишился языка и не в состоянии был пошевелиться, почему его поручили попечению царского врача. Негодуя на то, что лекарство возвращало ему, почти бездыханному, силы и жизнь только для новых мучений, Колпаков схватил забытый

врачом нож и поднес его к горлу в намерении пресечь свою жизнь и тем освободиться от мучений; но у него не достало сил на исполнение замысла, он выздоровел от нанесенной себе раны и снова был отправлен на пытку... Иностранец Корб в своем дневнике, от 27 октября 1698 года, рассказывал об истреблении многих десятков стрельцов, причем придворные, принуждаемые царем, участвовали в резне собственноручно. Князь Ромодановский отсек четыре головы. Голицын был настолько несчастлив, что неловкими ударами очень увеличил страдания жертвы, доставшейся на его долю. Меншиков хвалился тем, что отрубил 20 голов. Сам царь, сидя верхом на лошади, «сухим глазом» глядел на всю эту трагедию, одно только сердило его, что у большинства бояр, не привыкших к должности, которую он возложил на них, тряслись руки, когда они принимались за дело.

Мы не будем ни усиливать своими восклицаниями рельефность картины, ни набрасывать покрывало на ее ужас. С этой стороны дело говорит само за себя. Но если мы взглянем пристально в эти проявления жестокости, то заметим глубокую разницу, лежащую между ними и аналогичными фактами истории Иоанна Грозного. Здесь нет клокотания нервной злобы, здесь нет психопатических пароксизмов раскаленного и растравленного сердца; здесь не было и неуловимой, но мучительной связи между жертвами и палачом. Тут перед нами не более, как простая работа, или аккуратно исполняемое практическое дело. Когда патриарх явился со своим заступничеством, Петр сказал ему: «Зачем ты пришел сюда с иконой? Убирайся и знай, что я чту Бога, быть может, более чем ты, но мой верховный сан и долг повелевают мне охранять народ и карать в глазах всех злодеяния, клонящиеся к его гибели». Другими словами, царь просил владыку отойти с дороги и не мешать ему делать нужное дело. Петр хлопотливо уничтожал препятствия, нисколько не думая о том, что он рубит людей, с плотью и кровью, с телом и душой. Он заставлял придворных участвовать в деле вовсе не по каким-нибудь побуждениям утонченной лютости или сладострастия мучительства, а просто в качестве своих сотрудников в общей работе.

С такою же прямолинейною и непреклонной решительностью шел он к осуществлению всех своих целей; с таким же деловитым хладнокровием устранял он препятствия даже в собственной семье. Свойства начатых дел не могли не поселить в царе неудовольствия по отношению к его супруге, Евдокии Федоровне. Это была женщина старого типа, рожденная для скромной жизни замкнутого семейного уклада и способная только чтить обязанности жены и матери, читать церковные книги да сокрушаться сердцем о ветренности мужа (ср. М. И. Семевского «Царица Екатерина Алексеевна»). Но планы царя предъявляли иные требования. Петру нужна была женщина, цивилизованная до степени свободного разговора с иностранцами, бойкая до степени смелых танцев среди кругов табачного дыма ассамблеи, до умения храбро осушать кубки, — все равно, будь эта женщина из лавки немецкой слободы и будь общение с нею не чуждо элементов совместничества. Побуждаемый такими причинами, Петр заключил Евдокию Федоровну в монастырь, причем он видел в этом заключении лишь практическую меру, а не драму изгнания жены и разлучения матери с сыном. В отношениях Петра к этому сыну мы наблюдаем снова те же черты. Усматривая в характере царевича наклонности, не гармонизовавшие с новым ходом дел, Петр неоднократно выражал ему свои порицания и угрозы. Не замечая в сыне исправления, он усиливал голос и становился все суровее и грознее. «Сколько много тебя бранивал», — писал он в полуофициальных «объявлениях» Алексею Петровичу, — «и не точию бранил, но и бивал, к тому же, сколько лет почитай не говорю с тобой, но ничего сие не успело». Над головой царевича все более и более сгущались опасные тучи. «Если не обратишься, — говорил ему твердый голос царя, — то весьма тебя наследства лишу». Немного позже угроза повысила тон: «или отмени свой нрав, или будь монах»; наконец, речь отца к сыну получила крайне решительный характер: «я поступлю с тобою как со злодеем». Чувствуя на себе эту неуклонно и неумолимо стягивающуюся петлю, Алексей Петрович бежал в Австрию. Он надеялся укрыться там и перевести свободно дух, не постигая всей силы воли и непреклонности характера своего отца. Петром тотчас же пущены были в дело дипломатические уловки, хитрость, обманные обещания, — и царевича вернули в отечество. Начался сильный розыск с его обыкновенными атрибутами, застенком, дыбой, ссылками и кровью. Решение судьбы беглеца было поручено судилищу из высших духовных и светских сановников. Царь требовал, правда, чтобы судили «не флатируя ему» (то есть, не обнаруживая излишней жестокости к сыну в угоду отцу), но нужное направление процесса понятно было всем заранее. Царевича пытали и присудили к смерти, в сущности, за одни намерения и предположения, по справедливому замечанию Погодина. День спустя Алексей Петрович умер... Во всех трагических перипетиях этой истории мы напрасно ожидали бы встретить какие-либо проявления страданий родительского чувства. Здесь ничто не напоминает нам ни Брута, разбившего собственными руками свое сердце во исполнение веления долга, ни сыноубийцу — Иоанна IV, в котором взрыв необузданного гнева сменился долгою мукой неутешного раскаяния. Тут пред нами лишь успешно исполненное мероприятие: Петр устранил человека, которого, — по наивному, но верному выражению князя М. М. Щербатова, — «усмотрел бы неудобна к принятию престола и к содержанию начатых дел».

Комментарий: *практичная жестокость, хладнокровность и решительность расправ Петра I над стрельцами указывает на тип сенсорно-логического экстраверта (●□). Особенно ярко видно противопоставление логической и этической установки в сравнении Петра I с Иваном Грозным.*

Отношения конфликта с сыном Алексеем (□▲ (ЭИИ)) усугублялись необходимостью передачи власти от Петра I к наследнику, исповедовавшему совершенно иные принципы. Конфликт этот Петром I рассматривался прежде всего с позиций ● и □, т. е. с точки зрения целесообразности, при игнорировании моральной оценки (□) происходящего.

С великою силою характера и неуклонностью воли, в личности первого императора соединялись ненасытная практическая любознательность и неустанная практическая деятельность. Всем известно, с какою жадностью вглядывался он во время заграничных путешествий во все детали окружающего, с каким неусыпным вниманием обозревал он музеи и анатомические театры в Голландии, с какою страстью к знанию он посещал в Париже типографию, академию и присутствовал при разных химических опытах, при глазных операциях и пр. На чужбине и дома, он всю жизнь проявлял неутомимый интерес к завоеваниям

человеческого ума и в области опытных наук, и в сфере общественно-политического устройства жизни. Он не мог равнодушно слышать об астрономических открытиях. Когда ему подарили в Голштинии глобус, он писал в восторге: «Признаюсь, все герцогство не могло бы выдумать приятнейшего мне дара». Некто Орфиреус распустил (в 1705 году) слух, будто ему удалось открыть *regretuum mobile*, и Петр интересовался этим мнимым изобретением до самой своей кончины. Вопросы и детали морского, военного, горного, промышленного дела ни на минуту не переставали волновать его душу. И вся эта любознательность не приводила лишь к накоплению теоретических сведений: неудержимая энергия деловитости побуждала императора тотчас же осуществлять и утилизировать эти сведения. Изумленные подданные видели своего государя с топором в руках на верфи, они видели, как он собственноручно устраивал фейерверки, как он спешил в числе первых на пожары, как делал хирургические операции больным, дергал зубы, расставлял пары для маскарадных процессий. И все это — вперемешку с непосредственным участием в делах управления, с постоянными разъездами по России и за границу, с морскими и сухопутными походами и баталиями. Непостижимая сила внимания Петра не пропускала самых ничтожных мелочей, не забывала, например, о починке какой-нибудь лодки или покупке нужного для чего-либо количества веревок. Практичность и детализм, свойственные духу императора, отражались рельефно в его указах и законодательных актах. Так, в положении о пытке встречаем замечания о том, чтоб особь, «которая к пытке приводятся, рассмотреть и, усмотря твердых, бесстыдных и худых людей пытать жесточее, тех же, кои деликатного тела и честные суть люди, легче». Или, в духовном регламенте, в описании обязанностей епископов, читаем указания, чтоб осмотры епархий производились летом, потому что тогда «не надобно сена, а дров мало треба, хлеб, рыба, корм конской дешевля; и может епископ не далеча от города на поле в палатке время перестоять, чтобы не трудить священства или граждан квартерою». Тут же замечания о том, чтобы епископы смотрели во время объездов за своими слугами, ибо они «обычно бывают лакомее скотины и, где видят власть своего владыки, там с великою гордостью и бесстыдием, как Татаре, на похищение устремляются».

Комментарий: активная любознательность, интерес к новому указывают на экстравесию; стремление к практическому применению знаний и самостоятельному освоению новых навыков говорят о сенсорике. Подробная регламентация практических действий в законодательных актах свидетельствует о логике, причем логике β квадры. Перед нами черты сенсорно-логического экстраверта. Стремление все делать самому, без особых церемоний, связанных с титулом, также соответствует особенностям этого типа.

Таков был Петр — человек замечательной практической зоркости и великий мастер житейской техники. Ознакомившись с образцами высокого развития этой техники за границей и желая сообщить ее своей стране, он принялся за дело с невиданной энергией и стремительностью. Зычным окриком он гнал своих подданных бегом по пути к восприятию европейски разработанных форм жизни. Всех взрослых дворян он скликал на вечную службу, от которой могли избавить только увечье, тяжкая болезнь или дряхлая старость. Молодежь он сгонял в ученье, в школу иностранцев, где учеников за провинности ожидали плети, батоги и кошки. Щедрою рукой рассыпал он русских юношей по всему пространству Европы, в Англии, Голландии, Франции, Италии и Испании, «учить кумпоз, делать мачты, строить лодки, учиться навигацкой науке, артикулу солдатскому, биться на шпагах, на лошадях ездить и танцевать, а также ремеслам — медному, столярному», и пр. Петр настойчиво зазывал иностранцев для заведения в России фабрик и заводов; приглашал даже знаменитого Ляуса (Джо Ло) для рудокопных дел в персидской торговой компании. Он беседовал со сведущими европейцами, совещался со знаменитыми философами и хлопотал об учреждении в России академии и музеев. В основанную им Кунсткамеру привозили из-за границы разные диковинки, в роде «церебрума в кране» (восковой препарат черепного мозга), а со всех концов России присылались сюда, «для куриозите», всякие живые и мертвые, человеческие и животные «монструмы», причем из Ахтырки, от князя Глоцина, доставлены были даже «две собачки, которые родились от девки 60 лет (ср. Пекарского, I)». Здесь же хранилась «выделанная кожа» умершего француза, великана Буржуа, которого царь вывез за громадный рост из Кале... Реорганизуя армию и внутреннее государственное управление, Петр реформировал самую внешность подданных и мелочи из житейского

обихода. Он запрещал продажу русского платья и сапог под страхом каторги и конфискации. Он грозил за построение домов «не линейно» штрафами и галерами и казнил кошками и каторгой тех, кто ездил «на невзвезданных лошадях». Его мысль была повсюду, и он несея стремительным ураганом, вовсе не нуждаясь в понуканиях Лейбница, который писал ему: «une ville est toujours plus belle, quand elle est bâtie tout d'un coup, que lorsqu'elle s'est formée peu-à-peu à diverses reprises».

Этот громкий набат, будивший в русском обществе активность, самодеятельность и предприимчивость, эти могучие усилия царя сообщить всем отраслям русского общежития усовершенствованную организацию и развитую технику, — этот подвиг Петра составляет истинную сущность его исторической роли и окружает его образ неотъемлемым ореолом величия. По некоторым данным можно думать, что сам реформатор понимал свое жизненное назначение именно в этом смысле; так, незадолго до смерти, он велел «вписать в историю» свои мероприятия «о войне, строении фортец, гаванов, флотов, мануфактур всяких» и пр. Не говорит ли этот перечень о том, что Петр считал своим главным делом устройство названной выше стороны народной жизни? Чтоб оценить всю важность и крайнюю необходимость этого дела, а вместе и величие намерений Петра, нет нужды зарываться в глубь старины, вполне достаточно оглянуться вдумчивым взором на наше ближайшее прошедшее и даже на настоящее. Не будет излишним пессимизмом, если мы скажем, что окружающее нас ежеминутно и повсюду вопиет об отсутствии должного подъема практического духа, об отсутствии отчетливой организации и тщательной отчеканки житейского уклада. Это дает себя чувствовать каждому русскому человеку, ведет ли он деревенскую жизнь или городскую, покупает ли он или продает, нанимает или нанимается, судится ли, лечится, путешествует или даже просто пытается развлечься. Всюду и всегда он стоит лицом к лицу с механизмом жизни, который поражает апатичностью своего движения и отсутствием отделки и чистоты в связи составных частей. Конечно, этому механизму не угрожает опасность полной остановки, но тягучий скрип его колес поистине ужасен. Такая слабость организации и техники составляет, бесспорно, темное пятно на русской жизни, и стремление Петра прийти на помощь России в указанном отношении было его великим служением пользе и чести государства.

Однако же не должно терять из виду, что личность императора была не чужда односторонности, которая отразилась на характере его деяний. Будучи чрезвычайно зорким в выборе ближайших средств для достижения ближайших целей, будучи талантливым практиком, Петр не обладал охотой уноситься мыслью в высь и даль. Основной, присущий ему грех заключался в том, что он смотрел излишне просто на жизнь и на людей. Такая утрированная «резвость» взгляда, незатемненная сложностью зрелища исторических, психических, и социальных перспектив, придавала, конечно, решимость и смелость Петру, но упомыная сложность мстила за презрение к себе, сообщая действиям реформатора характер односторонности. Припомним несколько примеров.

Общеизвестны высокое уважение Петра к науке и его поистине отеческие заботы о насаждении образования в России. Нельзя не преклоняться пред просветительными трудами императора, однако же, прислушиваясь ко всему, что говорено было им об этом деле, должно заключить, что образованию и знанию он придавал излишне тесный, утилитарный смысл. Обращаясь, например, к духовному регламенту, мы, правда, находим в нем справедливые осуждения людей мнимо ученых («ибо от таковых несть горших бездельников») и возражение на мнение, будто наука есть источник ересей («дурно многие говорят, что учение виновное есть ересей, которыя, на самом деле, беснуются от гордого глупства, а не от учения»). Но общий смысл прославления науки и образования здесь проникнут принципом практической пользы: «Известно есть всему миру, каковая скудность и немощь была воинства Российского, когда оно не имело правильного себе учения, и как несравненно умножилась сила его, когда державнейший наш монарх обучил оное изрядными регулами.... Когда солдат («ученый») хитро и сильно разбивает, того виновно есть учение воинское.... То ж разумей и об архитектуре и о врачевстве и обо всех прочих делах». Эта же тенденция выступает и в других рассуждениях того времени о назначении ученых и учебных учреждений. Так, в уставе академии, утвержденном в 1724 г., читаем: «Прибыль сей академии: 1) что его императорское величество из своих подданных ученые люди получит, 2) посему иноземцы будут приезжать в академию для обучения и деньги свои здесь в земле тратить, 3) которые пойдут наши в иностранные земли, меньше денег будут тратить, понеже они больше в один год научатся, нежели в десять лет».

(продолжение следует)